

П. Уоддингтон

ТУРГЕНЕВ И ЕГО РУССКИЕ ДРУЗЬЯ В ФОНТЕНБЛО: СЕМЬЯ ТРУБЕЦКИХ-ОРЛОВЫХ*

История не была благосклонна к семье, которую я избрал для рассмотрения. Если о князе Николае Ивановиче Трубецком (1807–1874) и вспоминают, то только как о дворянине-шуте, новообращенном католике со странными идеями превращения России в римскую епархию. Его жена Анна Андреевна, урожденная графиня Гудович (1818–1882), удостоилась лишь незначительного места в истории как человек увечный и атеистка с республиканскими взглядами. Их единственную дочь, Екатерину Николаевну (1840–1875), вспоминают чаще всего как предмет привязанности князя Бисмарка. Если Трубецкие и вошли прочно в историю, то, несомненно, в первую очередь благодаря своему зятю, знаменитому военному и дипломату, князю Николаю Алексеевичу Орлову (1827–1885).

И все же Тургенев, несмотря на мощный ум и острое критическое восприятие, был очень привязан к Трубецким и виделся с ними так часто, как только мог. Он познакомился с ними в конце 1850-х годов сначала в Париже, а затем в их замке Бельфонтен, расположенном близ Фонтенбло. Конечно, он использовал их в своих личных целях — для того ли чтобы иметь возможность завести знакомства среди влиятельных

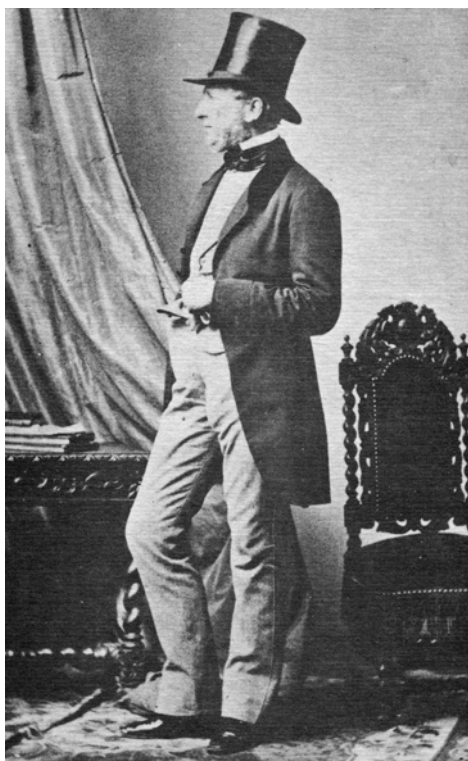
* Настоящая работа является переводом дополненного варианта статьи Патрика Уоддингтона «Turgenev and his Russian Friends at Fontainebleau: The Trubetskoy-Orlov Family», впервые опубликованной в 1995 г. в сборнике: Ivan S. Turgenev: Leben, Werk und Wirkung. Beiträge der Internationalen Fachkonferenz aus Anlaß des 175. Geburtstages Bamberg, 15.–18. September 1993 / Hsg. Peter Thiergen. München, 1995. S. 203–225. — *Примеч. ред.*

эмигрантов, одалживать периодические издания, наслаждаться даровой ружейной охотой в Бельфонте или чтобы найти русский дом вдалеке от родного дома. Но он привязался к этой эксцентричной супружеской паре и к их красивой дочери, а также к одноглазому герою Крымской войны, который возбудил такой интерес во французском обществе; Тургенев даже присутствовал на свадьбе Орлова и Екатерины Трубецкой. Он поддерживал обширную переписку как с родителями, так и с детьми. Несмотря на ироничный оттенок, который всегда окрашивал его отношения с Трубецкими, со временем он стал восхищаться в особенности княгиней, возможно, отчасти из-за ее укрепившейся дружбы с семейством Виардо. В письмах к ней мы находим некоторые из его самых примечательных суждений о литературе и политике, а также очень трогательные строки о положении человека в мире. В этой статье будут использованы как неопубликованные автографы, так и документы, уже введенные в научный оборот тургеневедения.

Князь Трубецкой родился в Москве 18 февраля (2 марта) 1807 года. После непродолжительной военной службы он поступил в Министерство финансов в Санкт-Петербурге, намереваясь пойти по финансовой части, но его жизнь изменилась, когда 12 (24) ноября 1837 года он женился на молодой графине Гудович, появившейся на свет в Москве 4 (16) ноября 1818 года.¹ Уже в девятнадцать лет Анна Андреевна придерживалась довольно радикальных политических взглядов, что, возможно, способствовало их отъезду за границу, но главная причина эмиграции заключалась в том, что после рождения единственного ребенка Екатерины в 1840 году у нее проявилась необъяснимая слабость в нижней части ног, что вынудило князя Трубецкого отвезти ее в Европу для лечения.

Княгиня так и не поправилась, зато князь попал под влияние католической миссии и 30 ноября 1843 года во Франции отрекся от православ-

¹ Эта дата верна; год рождения А. А. Трубецкой часто указывается неверно как 1819. О первых годах жизни Трубецких см.: L'Abeille de Fontainebleau, 3 July 1874. Во избежание путаницы необходимо сразу указать на то, что у нашего Трубецкого был полный тезка и современник, государственный деятель Николай Иванович Трубецкой (1797–1874), который остался в России и был близок к императору; упоминания о нем можно часто встретить в дневниках XIX в. Следует, возможно, также отметить, что еще одна княгиня Трубецкая, не связанная родственными узами с рассматриваемой мною семьей, жила в то же самое время во Франции и была хозяйкой известного аристократического салона. Речь идет о Елизавете Эсперовне, урожденной княжне Белосельской-Белозерской (1830–1907), известной также как Лиза Трубецкая.

Князь Н. И. Трубецкой. Фотография. 1850-е гг.

ной веры в пользу Рима. Это отнюдь не означало, что он отказался от славянофильских убеждений в российской политике. Из-за этого довольно причудливого смешения востока и запада он стал объектом насмешек как среди друзей, так и среди врагов. Напротив, княгиня, которая так никогда и не оправилась от своей настоящей или вымышленной болезни и осталась инвалидом на всю жизнь, с презрением относилась к вереницам верующих, приходившим навестить ее мужа, и приобрела репутацию прогрессивной и свободомыслящей женщины. Она практически не покидала своих комнат и читала книги философского содержания.² Несмотря на всю враждебность к религиозным предрассудкам и

² Сильная склонность княгини Трубецкой к атеизму подтверждается ее письмом к Луи Виардо от 22 марта 1867 г. и ответом на него Полины Виардо, датированным 30 марта. Я имел возможность ознакомиться с первым письмом, когда оно находилось в архиве Ле Сенов, а последнее — в архивах департамента Сена и Марна

лицемерию, сама она отличалась преувеличенным вниманием к собственной персоне, ни на секунду не расставаясь ни со своими часами, ни с барометром, ни с термометром. Трубецкие были необычной и притом необычно любящей супружеской парой. Он мог сказать о ней: «Я обожаю ее, хоть она и глупая женщина», а она о нем: «У него золотое сердце, но он — идиот». Даже такой здравый человек, как австрийский революционер Мориц Гартман, который в течение нескольких лет был наставником княжны Екатерины, был вынужден назвать их замок «Follefontaine» («Безумный фонтан», а не «Прекрасный фонтан», если буквально перевести его название).³

Будучи в эмиграции, Трубецкие поселились сначала в Париже, в доме № 49 по улице Клиши, в роскошном четырехэтажном особняке, который они снимали за 10 000 франков в год и конюшни которого вмещали два экипажа и пять лошадей, а в самом доме могли свободно разместиться до двадцати человек.⁴ Особняк Трубецких располагался всего лишь в двухстах метрах от дома № 16 (по тогдашней нумерации) по улице Дуэ, где семья Виардо проживала еще с конца 1848 года.⁵ Неясно, поддерживали ли эти два семейства отношения в то время (как это, несомненно, будет позднее), однако в своих воспоминаниях, которые, по общему признанию, не всегда достоверны, Луиза Эритт-Виардо поведала о том, как ребенком она посещала воскресные музыкальные концерты у Трубецких в 1840-е и 1850-е годы. По всей видимости, там часто выступал знаменитый в ту пору струнный квартет Жана-Пьера Морена, исполнявший среди прочего последние и самые сложные произведения Бетховена, а среди пианистов, которые играли Бетховена, Моцарта и Шопена, были Антон Рубинштейн, Вильгельмина Клаус (впоследствии Сарвади) и сама мать Луизы Полина Виардо. В лучшем случае, все эти факты в значительной степени перепутаны, а в худшем —

в Мелене (1009 F¹). Среди тех, кто полагал, что княгиня могла ходить, когда ей было нужно, можно назвать Татьяну Пот-Кавелину (Pot-Kaweline) и (согласно одному источнику) самого Тургенева, см.: *Панаева (Головачева) А. Я.* Воспоминания / Вступит. ст., ред. и коммент. Корнея Чуковского. М., 1956. С. 246 (далее: *Панаева*).

³ См.: Воспоминания Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы. 1848–1896 / Под ред. Ю. Г. Оксмана. Л., 1929. С. 47–49; *ПССиП(2). Письма*. Т. 5. С. 298.

⁴ См. Архив города Парижа: Archives de la Ville de Paris, D.1.P⁴283, cadastre, rue de Clichy, 1852–1862; *Waddington P.* Ivan Tourgueniev et les maîtres de Bellefontaine // *Les Cahiers samoisiens*. 1975. N 4 (Juin). P. 23, 39. Сама статья опубликована в двух номерах — 1975. N 4 (June). P. 21–39; 1976. N 5 (June). P. 20–43.

⁵ О доме Виардо см. мою короткую справку: *N Z Sl J*. 1983. P. 209–210.

Княгиня А. А. Трубецкая

сильно перевраны. Так, например, нам известно, что Полина Виардо была представлена княгине Трубецкой не ранее начала 1859 года.⁶ Существуют также разные мнения относительно того, присутствовала ли больная княгиня лично на этих концертах или же просто слушала их из своего будуара: согласно одному источнику, она никогда не выходила к гостям до девяти вечера.⁷ Тем не менее нет никаких оснований сомневаться в том, что Трубецкие были меломанами и покровительствовали музыкантам, а сам князь сочинил, по крайней мере, одну пьесу для хора и фортепиано на слова Кольцова. Их дочь со временем стала великолепной пианисткой.⁸

⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 34.

⁷ Воспоминания Е. М. Феоктистова. С. 48.

⁸ См. об этом: *Héritte-Viardot Louise. Memoirs and Adventures / Trans. and ed. E. S. Buchheim. London, 1913. P. 46–48; Héritte de la Tour Louis. Une famille de grands musiciens. Mémoires de Mme Louise Héritte-Viardot. Paris, 1923. P. 94–95; Nouv corr inéd. T. 1. P. 129–130; Bibesko Alexandre Prince. Berthold Damcke. Etude biographique et musical. Paris, 1894. P. 63; Le Figaro. 1875. 7 août. P. 1. Если Рубинштейн и играл в салоне Трубецких, то, скорее всего, это случилось весной 1857 или 1858 гг. Можно предположить, что Песня княгини Трубецкой, хранящаяся в Британской библиотеке (Music Department, Н. 2171), принадлежит Анне Андреевне.*

К концу 1840-х годов Трубецкие также снимали Бельфонтен, загородный особняк на краю леса Фонтенбло. Расположенное близ местечка Вальвен (Valvins) в самой южной части коммуны Самуа-сюр-Сен (Samois-sur-Seine), это поместье нельзя назвать особенно старинным. Первое здание здесь было построено в середине XVIII века семьей парижских портных. В то время это место было известно как Ла Шодьер (La Chaudière), нынешнее же имя было дано ему позднейшим владельцем — знаменитым Николя Бергассом, выступившим на процессе Бомарше с банкиром Корнманном. Сменив ряд самых разных владельцев, в 1834 году Бельфонтен перешел к Жозефине-Евгении-Валентине Уолш де Серран, супруге Шарля-Бретаня-Мари Жозефа, принца де Таранта, герцога де ла Тремуаля (Trémoille). Эта аристократическая супружеская пара построила новый, более роскошный особняк в северной части поместья — хотя если сравнивать его с современным замком Бельфонтен, реконструированным в начале XX века, то это было довольно скромное двухэтажное здание с крутой крышей и мансардными окнами.

В Бельфонтене были также каналы, озеро, оранжерея, часовня, различные павильоны и хозяйственные службы, большие виноградники, фазаний птичник и великолепный сад, разбитый в английском вкусе. Однако к 1848 году, т. е. в тот год или около которого принцесса де Тарант, к тому времени овдовевшая, сдала свое имение Трубецким, многие из этих построек пришли в серьезный упадок. Поначалу Трубецкие довольствовались лишь тем, что проводили в Бельфонтене летние и осенние месяцы: он — тысячами истребляя зайцев и куропаток, а она — полужела с книгой в руках или принимая высокопоставленных гостей. Однако по прошествии нескольких лет Трубецкие решили приобрести поместье в свою собственность, привести его в порядок и жить там круглый год. Они приступили к осуществлению своего замысла в 1856 году, и со временем их образ жизни существенно изменился.⁹ Необходимо

⁹ Об истории Бельфонтена см. различные учетные книги и архивные дела коммуны Самуа-сюр-Сен в Архиве департамента Сена и Марна, например: 4P 81, 4P 249, 4P 446; Документы по залогам Фонтенбло (Hypothèques de Fontainebleau): Vol. 222. Art. 13; Vol. 459. Art. 65, а также чрезвычайно ценную документацию Люльер (Documentation Lhuillier); *Herbet Félix*. Dictionnaire historique et artistique de la forêt de Fontainebleau. Fontainebleau, 1903; *Bouquet Victor*. Samois-sur-Seine. Notice historique et archéologique depuis les temps anciens jusqu'à la Révolution / Ed. Paul Comble and Auguste Limosin. Paris, 1913. P. 86–87 и след.; *Waddington Patrick*. Bellefontaine: ses origins et son passé // Les Cahiers samoisiens. 1973. N 2 (Mars). P. 25–50. Некоторое время тому назад Бельфонтен принадлежал Ассоциации Социальной помощи префектуры Парижа (ASPP) и использовался как *colonie de vacances*, но затем был ею оставлен.

Замок Бельфонтен. Литография, опубликованная Денекуром ок. 1850 г.

остановиться на некоторых основных чертах их нового существования, поскольку знакомство Тургенева с семьей Трубецких относится, в сущности, к этому периоду.

Начнем с того, что Трубецкие окружили себя довольно причудливой прислугой: у них служили француз дворецкий, гувернантка-немка, камеристка-англичанка, управляющий-француз, русский камердинер, два кучера-англичанина и целый набор русских и английских слуг и горничных. Ко времени национальной переписи 1866 года их домашняя прислуга насчитывала не более и не менее, как сорок одного человека! Все это не только служило демонстрацией комфорта и роскоши, присущих представителям высшего сословия, но и в действительности влекло за собой проявления большой щедрости. Бельфонтен в самом деле выглядел как роскошное русское имение, но князь Трубецкой обладал досугом и средствами, чтобы превратить его в счастливый дом, служивший, без сомнения, своеобразной моделью тех перемен, которые он надеялся увидеть в России. В общественном плане князь был удивительно прогрессивным для своего времени человеком: его слугам предоставлялось добротное жилье, их хорошо кормили, они с радостью оставались в услужении у семьи на протяжении десяти, двадцати или даже тридцати лет. Можно привести для примера случай Уильяма Роуэлла, который приехал из Англии помощником конюха около 1850 года, научился читать и писать в Бельфонтене, стал главным кучером в 1860-е и оставался им вплоть до смерти князя, последовавшей в 1874 году. Или еще один кучер-англичанин, Уильям Бишоп (почему-то известный

также как Боттом), жена которого Джейн Хамфриз родила в Бельфонтене четверых детей и прожила там до самой смерти. Наконец, нужно упомянуть верную и очаровательную компаньонку княгини, молодую англичанку Марианну (Мари-Энн) Турнер, родившуюся в 1831 году, с которой у Тургенева впоследствии установились дружеские отношения и которая, с его одобрения и, возможно, при его содействии, перевела «Казак» Толстого на французский язык в 1865 году.¹⁰

Трубецкие были щедры как в финансовом, так и в общечеловеческом смысле, невзирая на собственные значительные затруднения. Их благодеяния, светские или религиозные, относились преимущественно к акциям местного характера. Одно из таких памятных проявлений покровительства имело отношение к лесу Фонтенбло. В 1853 году Клод-Франсуа Денекур, прозванный «le Sylvain» за свой практический и исторический вклад в его благоустройство, зафиксировал, что князь пожертвовал 200, а княгиня 110 франков в ответ на его призыв трехлетней давности о сборе средств для завершения обустройства сети пешеходных дорожек в Фонтенбло. Для того времени это были довольно значительные суммы, и признательность Денекура выразилась в том, что он назвал в честь Трубецких лесную долину и официально окрестил большую природную пещеру, в которой княгиня любила отдыхать, в то время как ее муж совершал длительные прогулки, «la grotte de la Princesse» («Княгининим гротом»). Обе (и долина, и пещера) в свое время производили большое впечатление. Сто лет назад «La Vallée Troubetzkoï» («Долина Трубецких») представляла собой восхитительную тенистую рощу, в южной части которой росли березы, а в северной — можжевельник. Сегодня это невыразительный участок леса, на котором преобладают невысокие молодые буковые и хвойные деревья. Что касается грота, то, когда мне довелось видеть его в последний раз, на его треснувшем замковом камне можно было различить инициалы «А. Т.», корону Трубецких и год 1852, но его когда-то прохладная и просторная внутренняя часть, со скамейкой из песчаника, вся находилась во власти сорняков, несмотря на периодические проекты по восстановлению, оставившие после себя довольно уродливую подпорную колонну и про-

¹⁰ См.: ПССиП(2). Письма. Т. 5. С. 105, 108, 290, 565–566; Т. 6. С. 51, 125, 300–301. Известно, по крайней мере, об одном, не дошедшем до наших дней, письме, которое Тургенев написал Марианне Турнер (в августе 1862 г.). Сведения о слугах в Бельфонтене почерпнуты в основном из результатов переписи, проводившейся раз в пять лет, серии 10М Архива департамента Сена и Марна, а также из книг записей актов гражданского состояния Мэри Самуа-сюр-Сен.

Замок Бельфонтен. Современная фотография

странство, как раз достаточное для непочтительных туристов, чтобы присесть и сделать свои дела.¹¹

В религиозном отношении, по крайней мере, князь был воплощением набожности и милосердия. Несмотря на неослабевающий интерес к русской экономике, правительственным и общественным делам, вся его жизнь была окрашена пламенным и всепоглощающим католицизмом. По настоянию князя, в часовне Бельфонтена трижды в неделю служилась месса, каждый год он отправлялся в недельный затвор, а также делал все возможное для духовного и материального благосостояния церкви в Самуа-сюр-Сен. В 1850 году он подарил для убранства церкви новую серию картин на сюжет Стояний крестного пути, а в следующем году пожертвовал изображения Христа и Девы Марии, несколько скульптур, шесть канделябров, алтарный крест и позолочен-

¹¹ Грот находится на пересечении route du Calvaire (дорожки Кальвера) и route du Cambard (дорожки Камбара), а долина тянется еще дальше на восток примерно на сто метров. И грот, и долина расположены менее чем в километре на юго-запад от Башни Денекура, неподалеку от Бельфонтена. См.: Carte-guide du voyageur à Fontainebleau <8-е изд. Путеводителей Денекура>. Fontainebleau, 1853. P. 23–24, 39–40, 63; Fontainebleau. Guide Joanne. Paris, 1882. P. 102–103; Joanne P. Environs de Paris. Paris, 1895. P. 207; Doignon Pierre. Peut-on sauver la Grotte de la Princesse et sa ciselure à la Butte à Guay? // La République de Seine-et-Marne. 1980. 22 Sept. P. 8 (ср. также: 29 Sept. P. 7).

ную дарохранительницу с бронзовой дверцей. Он заказывал регулярные мессы о душах усопших, включая тех членов своей семьи, которые перешли в католичество, а также о душе своей здравствующей, но упорствующей супруги. Через несколько лет он потратил тысячи франков на сооружение нового пресвитерия, а после франко-прусской войны 1870–1871 годов либо жертвовал, либо давал займы коммуне довольно внушительные суммы денег — с тем условием, чтобы они большей частью шли на нужды церкви. На самом деле князю мастерски удавалось добиться того, что местное население, через свой совет, подключилось к его собственным усилиям в этом направлении.¹² Хотя все это, естественно, вызывало определенное неприятие в светских кругах, и прихожане, и местное население неизменно выражали свою любовь к князю. Уже в 1857 году новый церковный колокол был окрещен «Anne Nicolas», в честь русской четы, а после кончины князя Трубецкого, последовавшей в Бельфонте 11 июня 1874 года, на его похоронах присутствовали префект Сены и Марны и мэры близлежащих коммун, а также все местное духовенство и — как сообщает нам современный источник — «все население» Самуа. Как говорилось в прощальной речи (с некоторым простительным преувеличением), «двадцать пять лет назад благородный иностранец приобрел поместье Бельфонте. Общественность полагала, что начнутся скачки, пиры и охоты <...> Но князь избрал себе более благородную миссию, миссию преисполненную милосердия и самопожертвования. С того самого дня двери замка были открыты для бедных. Более того, князь совершал ежедневные обходы по нашим окрестностям и деревням, помогая несчастным, утешая страждущих, подбадривая работников. Его жизнь можно охарактеризовать двумя словами: Милосердие и Религия». А на могиле князя была выгравирована эпитафия «J'aime — je crois — j'espère» (Я люблю — я верю — я надеюсь).¹³

¹² См.: Архивы департамента Сена и Марна, 220V 73, Ведомость приходских дел (Registre des délibérations paroissiales) Самуа-сюр-Сен; Bulletin de la Société d'Archéologie, Sciences, Lettres et Arts du Département de Seine-et-Marne. 1867. Vol. IV. P. 91–93; Papiers Gagarine (Бумаги Гагариных). Boîte VII (далее — *Papiers Gagarine*). Bibliothèque slave, Paris. (Следует отметить, что после того как я ознакомился с этими документами, Славянская библиотека переехала сначала в Медон, а затем в Лион).

¹³ См.: Le Travail. 1874. 14 juin; L'Abeille de Fontainebleau. 1874. 19 juin; Le Monde. 1874. 24 juin; *Bourges Ernest*. Recherches sur Fontainebleau. 1896. P. 188–190; Les Cahiers samoisiens. 1973. N 2 (Mars). P. 34, 39–42.

На первый взгляд, дружба Тургенева с Трубецкими укладывается в характерную схему. Историков и литературоведов часто смущают противоречивые убеждения писателя. Его теплым отношениям с радикалами Герценом и Лавровым противостоит почти подобострастное внимание к людям из высших классов общества. У него была особая склонность к женщинам из высшего света — достаточно вспомнить графиню Ламберт или баронессу Вревскую. На самом деле знакомство Тургенева с будущей семьей Трубецких-Орловых началось с Орловых и, казалось, не обещало иметь продолжения. В 1852 году графу Алексею Федоровичу Орлову (1786–1861), главному начальнику III отделения при Николае I, было поручено разобраться в деле с публикацией злополучной заметки Тургенева о смерти Гоголя. Хотя в итоге граф был вынужден арестовать и выслать Тургенева, вначале он рекомендовал проявить милость; в течение следующего года, после вмешательства влиятельных друзей Тургенева, он и в самом деле добился снятия сурового наказания царя. Когда несколько лет спустя Тургенев встретился с Орловым, граф поцеловал его в лоб и промолвил: «Кажется, вы не имеете причин сердиться на меня».¹⁴

Тургенев впервые услышал о Николае Трубецком и его причудах вскоре после того, как поселился в Париже осенью 1856 года. Знакомство с князем казалось полезным, поскольку тот получал все русские журналы, которые Тургенев желал читать, но не стремился покупать, включая «Русский вестник» и «Русскую беседу».¹⁵ Вскоре знакомство состоялось — каким именно образом, не вполне ясно — и к наступившему новому 1857 году они уже довольно часто виделись. Возможно, вначале эти встречи происходили в основном по указанной выше причине, но в скором времени Тургенев нашел в князе-католике очень милого и приятного человека и наслаждался его обществом.¹⁶ По иронии судьбы, отчасти в основе этой симпатии лежала его любовь к матушке-России, которой ему остро не хватало в гнетущей атмосфере француз-

¹⁴ См.: Тургенев о революционном Париже 1848 г. Из дневниковых записей П. А. Васильчикова, 1853–1854 гг. / Публ. Л. М. Долотовой // *ЛН*. Т. 76. С. 356; *Анненков П. В.* Молодость И. С. Тургенева, 1840–1856 // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1969. Т. 1. С. 115, 501–502; *Т Сб.* Вып. 2. С. 231–232, 247; *Т Сб.* Вып. 5. С. 361; *ПССиП(2). Письма*. Т. 2. С. 280, 282, 546–547.

¹⁵ *ПССиП(2). Письма*. Т. 3. С. 139, 172.

¹⁶ Там же. С. 172.

ской политики и культуры периода Второй империи, а также большая привязанность к семье Аксаковых, с которой Тургенев особенно сблизился в начале 1850-х годов. Несомненно, за упоминанием Николая Ивановича как «приятеля Константина Сергеевича» стоит видеть не только сарказм (как принято считать): слишком много значения, как мне кажется, придается сатирическому портрету Трубецкого, данному К. С. Аксаковым в его пьесе «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню» (написана в 1851 г.), хотя нельзя отрицать, что многие русские, включая поэтов А. А. Григорьева и Н. А. Некрасова, были рады посмеяться над этим «добрым, но слабоумным» князем, этим славянофилом-католиком, который заставлял «смеяться до колик». ¹⁷ Кроме того, Тургенев не мог себе позволить быть слишком ироничным: Трубецкой был очень щедр ко все еще небогатому писателю, одолжив ему 700 франков для оплаты (помимо прочего) солидных счетов на лечение странного полового заболевания, которым он страдал в этот период. ¹⁸

В январе 1857 года Тургенев также познакомился с князем Николаем Орловым, сыном А. Ф. Орлова, который ему сразу же понравился. Во время Крымской войны Орлов отличился, командуя кавалерией, но был серьезно ранен во время осады Силистрии в июне 1854 года. Казалось, у потерявшего один глаз и дважды пронзенного штыком в грудь князя не было шансов выжить, но ему удалось чудом поправить здоровье и теперь он находился при императорском посольстве во Франции. По свидетельству современников, появление его сухопарой, но энергичной фигуры на улицах Парижа производило сильное впечатление, заставляя людей оборачиваться из-за яркости взгляда, устремленного из-под черной повязки, и «прославленных шрамов». ¹⁹ Тот факт, что Тургенев испытывал расположение к Орлову, может показаться парадоксальным — миролюбивого автора «Записок охотника» едва ли должны были впечатлить военная доблесть и высокородное происхож-

¹⁷ ПССуП(2). Письма. Т. 3. С. 172, 518; Григорьев Аполлон. Воспоминания / Изд. подготовил Б. Ф. Егоров. Л., 1988. С. 303, 306 (далее ссылки на это издание сокращенно — Григорьев); Некрасов Н. А. Недавнее время // Собрание сочинений: В 8 т. / Под ред. К. И. Чуковского. М., 1965–1967. Т. 2. С. 280; Т Сб. Вып. 5. С. 234. Григорьев был одно время губернатором в семье Трубецких, а Некрасов, как и многие другие, пользовался щедростью князя. С. Л. Толстой, старший сын писателя, передает содержание разговора, который, как кажется, свидетельствует о снисходительном отношении Тургенева к князю Трубецкому, см. его: Очерки былого. М., 1949. С. 327.

¹⁸ ПССуП(2). Письма. Т. 3. С. 217.

¹⁹ См.: Almanach de Meaux. 1886; Le Figaro. 1874. 31 mai; Les Cahiers samoisiens. 1975. N 4. P. 25.

дение, — но в письме к П. В. Анненкову Тургенев так отозвался о своем новом друге: он «мне чрезвычайно понравился. Сколько я могу судить, честная и добрая душа. Он вовсе не так обезображен, как мне говорили».²⁰ Еще более поразительно, что Тургенев счел возможным расхвалить Орлова в письме к Александру Герцену, приведя философа-радикала в немалое замешательство сообщением о том, что князь прочел и высоко оценил все, что написал Герцен, и даже посылал его произведения высокопоставленным сановникам в России. Вполне вероятно, что он не всегда был таким милым человеком; возможно, несчастье его отрезвило; но князь, которого знал Тургенев, был на удивление добродушным.²¹ На Герцена, который хоть и отнесся к этому с осторожностью, письмо Тургенева произвело должное впечатление, и он, по всей видимости, даже согласился встретиться с Орловым во время приезда последнего в Лондон тем летом.²² О том, что интерес Орлова к Герцену не был злонамеренным или неискренним, свидетельствует неслучайная склонность князя к популистской народнической поэзии Некрасова, многие стихи которого он знал наизусть.²³ Со своей стороны, Тургенев решил поддерживать дружеские отношения с преисполненным благими намерениями князем, который, как он рассчитывал, мог оказать благотворное влияние на судьбу их страны, и к весне виделся с ним почти ежедневно. Правда, что отчасти это было снова вызвано желанием иметь доступ к журналам и новостям из России, но моральное влияние Орлова на писателя-агностика было настолько сильным, что они даже вместе ходили в православную церковь в Париже, по крайней мере, однажды.²⁴

Начиная с этого времени, сложно отделить доброе отношение Тургенева к Трубецкому от тех чувств, которые он испытывал к Орлову, притом что молодой князь стал даже более частым гостем на улице Клиши и в Бельфонте. В первую очередь Орлова притягивала чрезвычайно юная в ту пору княжна Екатерина, на которой он женился в следующем году. Однако сначала княжна завоевала нежную привязанность другого офицера в отставке и своего знаменитого дальнего род-

²⁰ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 178.

²¹ Там же. С. 182.

²² Герцен. Т. 26. С. 71, 108, 110, 362. Принято считать, что «раненым офицером», о котором упомянул Герцен, не назвав его имени, был Н. А. Орлов. По всей видимости, Н. И. Трубецкой также посетил Лондон примерно в это же время, см.: Morning Post. 1875. 8 June. P. 5, хотя, возможно, речь шла о его тезке.

²³ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 257.

²⁴ Там же. С. 200, 220–221, 238–239; Некрасов. Т. 8. С. 222.

Князь Н. А. Орлов. Фотография. 1860-е гг.

ственника, Л. Н. Толстого, а также, возможно, и самого Тургенева: есть основания полагать, что оба мужчины серьезно намеревались ухаживать за ней.²⁵ На улице Клиши Орлова влекла также возможность встре-

²⁵ Об отношениях Толстого с Трубецкими и их дочерью Екатериной см.: *Толстой*. Т. 47. С. 115–122, 161, 203; Т. 60. С. 174; *Серебровская Е. С.* Три биографических очерка Толстого // *ЛН*. Т. 69. Кн. 1. С. 513. Александр Звигильский высказал предположение, что Тургенев даже флиртовал с Екатериной, однако это предположение не находит убедительного подтверждения, см.: *Nouv corr inéd.* Т. 1. Р. XV, ср. также: Р. LIX. Тем не менее существуют воспоминания одной русской современницы, к сожалению во многом искажающие действительность, согласно которым Тургенев действительно намеревался сделать предложение Екатерине, см.: *Панаева*. С. 245–246 (Поскольку в воспоминаниях имя княжны не названо, комментатор предположил — на с. 428, — что речь идет о Екатерине Мещерской, которой Тургенев действительно был увлечен некоторое время — см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 3. С. 161, — однако из контекста очевидно, что речь идет о Екатерине Трубецкой).

Княгиня Е. Н. Орлова

чатся и беседовать с выдающимися русскими современниками, а также с влиятельными французами и гостями из других стран. По всей видимости, у Трубецких часто устраивались чтения вслух различных пьес. Так, на одном из них читалась комедия А. Н. Островского «Доходное место», которую Тургенев предложил по рекомендации Анненкова, но сам впоследствии активно раскритиковал.²⁶ Судя по всему, 16 марта 1857 года Толстой и Тургенев вместе присутствовали в доме у Трубецких на спиритическом сеансе медиума Даниеля Дангласа Юма (Хьюма). Пять дней спустя в письме к Анненкову Тургенев сообщал: «Был я в одном доме, где известный колдун Юм <...> должен был произвести свои чудеса; но ничего не вышло; только раз по моему требованию что-то у меня три раза простучало под подошвой правой ноги. Хорошенько я не понимаю, как это было сделано. Но Париж только и толкует что о нем; в течение одной недели он три раза был в Тюльерийском дворце — и там, говорят, происходили удивительные вещи: и стол поднимался на воздух, и какие-то руки виднелись, и гармоники играли сами, и колоколь-

²⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 219, 221, 542. «Семейство», в котором Тургенев читал пьесу, не названо, однако, очевидно, речь идет о Трубецких.

чики не падали, а волнообразно опускались на пол... Мы, грешные, ничего этого не видали».²⁷ Напротив, Толстой отметил в своем дневнике более кратко, но двусмысленно, что «Юм и делал это, и не делал», прибавив: «Надо будет попробовать самому».²⁸

Необходимо отметить, что на данном этапе в отзывах Тургенева и Толстого не содержалось никакого намека на осуждение по отношению к хозяину дома. Будучи, без сомнения, человеком своеобразным, князь Трубецкой был лишь одним из многих добропорядочных граждан из неработающих классов общества, кто верил в Д. Д. Юма и поддерживал его. Поэтому не следует делать далеко идущих выводов из небольшой пародии на него в «Дыме», где он выведен в качестве легковерного князя Кокб — о чем более подробно ниже.

Тем не менее весьма вероятно, что умственные способности Трубецкого были довольно посредственными. По словам одного мемуариста, иезуиты «пользовались им как дойною коровой».²⁹ Преисполненный благородными идеями, он не умел изложить их с достаточной ясностью или убедительностью, как в письмах к Тургеневу и другим корреспондентам, так и в социально-политических брошюрах, которые он публиковал под псевдонимом Olgherdowitch (галлицированная форма отчества его старинного предка Дмитрия Ольгердовича Брянского): «Etudes religieuses et politiques sur la Russie» («Религиозные и политические очерки о России» — Paris, 1858), «Les Questions du jour en Russie. Abolition du servage — liberté individuelle — publicité» («Современные вопросы в России. Отмена крепостного права — личная свобода — свобода слова» — Paris, 1858), «Des chemins de fer russes» («Русские железные дороги» — Paris, 1859). Тургенев не был единственным человеком, кто придавал мало значения всем этим опусам: на пару с еще более язвительным Герценом он с увлечением придумывал различные варианты комических псевдонимов — Рюрикович, Гедиминович и тому подобные, — примерно в это же время он дал князю довольно злое прозвище «Бурдалу», в котором акцент был как на значении русского слова «бурда», так и на образе рьяного французского иезуита XVII века.³⁰ Нет нужды

²⁷ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 210.

²⁸ Толстой. Т. 47. С. 118. Именно Толстой указывает точное место и дату. О Тургеневе и Д. Д. Юме см. также: *N Z Sl J*. 1983. P. 183–188.

²⁹ Воспоминания Е. М. Феоктистова. С. 47.

³⁰ Герцен. Т. 27. Кн. 1. С. 124; ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 276; Чичерин Б. Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 139–140 (ср. также использование Тургеневым прозвища «Бурдалу» в главах XII и XIX романа «Отцы и дети»: ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 60, 99).

говорить о том, что это не мешало обоим писателям пользоваться богатством и влиянием Трубецкого. Так, вскоре князь уже исполнял поручения Тургенева к влиятельным лицам, с которыми у самого писателя случались затруднения.³¹ Справедливости ради следует сказать, что Тургенев все же пытался опубликовать, по крайней мере, одну статью Трубецкого в России, однако, по всей видимости, безрезультатно.³²

История отношений Тургенева к Анне Андреевне Трубецкой, о которой мы говорили в начале статьи, была, возможно, даже еще более сложной. Как и на других русских мемуаристов, которые находили княгиню «больше начитанной, чем умной»,³³ на Тургенева она вначале не произвела особого впечатления: он считал ее странной и ограниченной и даже не мог убедить себя в том, что ее жизнь могла быть хоть для кого-то полезной.³⁴ Но он видел в ней в сущности добрую женщину и, без сомнения, наслаждался ее обществом гораздо в большей степени, чем обществом князя. С самого начала их общения его письма к ней были дружелюбными, зачастую глубоко личными и трогательными. Порой они бывали также остроумными, служа наглядным подтверждением тому, что он отнюдь не недооценивал остроту ее ума. В июле 1857 года, например, во время пребывания на водах в Зинциге он позабыл ее описанием нервического поведения любовницы Некрасова, Авдотьи Панаевой, которая (по мнению Тургенева) заслуживала хорошей порки по многочисленным округлым частям своего тела.³⁵

Таким образом, возможно, будущие многочисленные визиты Тургенева в Бельфонтен — представлявшие собой приятное однодневное путешествие из собственного замка Виардо в Куртавнеле — были вызваны в равной степени как удовольствием поболтать с княгиней, так и более очевидным желанием пострелять дичь с князем. Несмотря на религиозные взгляды и милосердие Николая Ивановича, охотился он так же увлеченно, как и любой другой его соотечественник-дворянин. Уже в сентябре 1848 года он стал соарендатором огромных охотничьих угодий на правом берегу Сены, располагавшихся в королевских лесах против Фонтенбло.³⁶ В этом настоящем охотничьем рае, растянувшимся на

³¹ См. письмо Н. И. Трубецкого к Тургеневу от 3 ноября 1858 г.: *РНБ*. Ф. 795. № 87; *Les Cahiers samoisiens*. 1975. N 4. P. 33–34. О Трубецком и Герцене см., например: *ЛН*. Т. 62. Кн. 2. С. 582; Т. 99. Кн. 1. С. 207–208.

³² См.: Письма А. Ф. Писемского // *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 160–161.

³³ *Григорьев*. С. 303.

³⁴ *ПССиП(2)*. Письма. Т. 4. С. 34. Подлинник по-франц.

³⁵ Там же. Т. 3. С. 229. Подлинник по-франц.

³⁶ См.: Архивы департамента Сена и Марна. 5P 20, 25 сентября 1848.

площади более чем в тысячу гектаров, в сезон охоты в несметном количестве встречались зайцы, кролики, куропатки, фазаны и олени. Несомненно, Тургенев был здесь как дома. Также непринужденно он чувствовал себя и в самом Бельфонтене и произвел замечательное впечатление как на самих Трубецких, так и на Николая Орлова, который оказал Тургеневу особую честь, сделав его шафером на своей свадьбе с Екатериной, состоявшейся 21 мая 1858 года.³⁷ Правда, нельзя сказать, чтобы Тургенев был в восторге от этого предложения; дело осложнялось тем, что княгиня Трубецкая долгое время противилась браку своей дочери с простым смертным, желая выдать ее за человека гениального (как сам Тургенев?).³⁸ Более того, на следующий день после весьма неловкого свадебного торжества, на котором гости разбились на два лагеря — церковников и вольнодумцев, с русской аристократией посредине, последовал прием в императорском посольстве, на котором Тургенев — к негодованию Герцена и своему собственному — был вынужден делить стол с Жоржем Дантесом, убийцей Пушкина!³⁹

Было бы сложно утверждать, что дружба Тургенева с семейством Трубецких-Орловых оказала на него значительное влияние собственно в литературном отношении. Вполне возможно, что Екатерина стала одной из нескольких прототипов для Лизы из «Дворянского гнезда», конечно, не относительно своего воспитания или веры, но скорее благодаря своему возрасту, свежести и силе ума. Более того, независимость ее суждений и ее взаимоотношения с родителями могли найти отражение в Елене, героине романа «Накануне», часть которого Тургенев фактически написал в Бельфонтене во время короткого пребывания там в начале августа 1859 года. В письме к своему близкому другу графине Ламберт от 4 августа он сообщал: «...а теперь я нахожусь в гостях у княгини Трубецкой (матери княгини Орловой) — очень доброй и милой, хотя несколько эксцентрической женщины. У меня отдельная комнатка в отдельном флигеле, и я много работаю над новым моим романом. Эта работа отвлекает мои мысли ото всего другого и придает им что-то плоское и безжизненное, которое, вероятно, отразится в этом письме». А несколькими строками ниже прибавил: «Жизнь — не что иное, как болезнь, которая то усиливается, то ослабевает: надобно уметь переносить ее припадки <...>».⁴⁰ Меланхолический тон этих высказы-

³⁷ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 294, 300, 302, 309–310, 312.

³⁸ Воспоминания Е. М. Феоктистова. С 48–49.

³⁹ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 319; Герцен. Т. 13. С. 349, 583.

⁴⁰ ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 72–73.

ваний был вызван ощущением оторванности от Полины Виардо и неминуемой судьбы всегда «лепиться к краешку чужого гнезда» (как он выразился незадолго до того в письме к другой своей корреспондентке).⁴¹ Эта фраза в точности была воспроизведена в главе XXVII «Накануне»,⁴² а сам роман пронизан темой болезни и разбитых идеалов.

Прежде чем переехать в Баден-Баден в 1863 году, чтобы воссоединиться с семьей Виардо, решившей покинуть имперскую Францию и обосноваться в этом курортном городке, Тургенев много времени проводил с Трубецкими как в Париже, так и в Бельфонтене. Он дарил им или давал для прочтения свои новые произведения, по мере того как они выходили из печати, включая «Первую любовь» в июне 1860 года.⁴³ Он информировал князя о событиях, вызванных и последовавших за освобождением крепостных крестьян в 1861 году, которого оба так долго ждали и добивались.⁴⁴ В свою очередь Николай Иванович все так же был полезен Тургеневу в практическом смысле, приглашая на обеды, предоставляя изобильные угоды для охоты или одалживая свежие русские журналы. В апреле 1862 года Тургенев был даже вынужден воспользоваться принадлежавшим князю экземпляром «Русского вестника», чтобы прочесть свой собственный роман «Отцы и дети», поскольку авторские оттиски еще не прибыли из Москвы.⁴⁵ В благодарность он впоследствии подарил Николаю Ивановичу отдельное издание романа с дарственной надписью.⁴⁶ В начале 1863 года вместе с князем и другими он организовал подписку в пользу голодающих в Вологодской и Архангельской губерниях.⁴⁷ В эти годы общение Тургенева с Трубецкими расширилось за счет появления новых общих знакомых, как, например, украинская писательница Мария Маркович (Марко Вовчок).⁴⁸ Но после переезда в Германию он виделся с ними реже, в основном во время своих поездок по делам в Париж. Нечасто встречался он и с Орловыми,

⁴¹ Там же. С. 63. Письмо к М. А. Маркович.

⁴² См.: Там же. *Соч.* Т. 6. С. 264.

⁴³ Там же. *Письма.* Т. 4. С. 193.

⁴⁴ См.: Там же. С. 330–331; речь князя Н. И. Трубецкого: *Papiers Gagarine. Voîte VII.*

⁴⁵ *ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 43–44.

⁴⁶ Книга (лот 767) была представлена на проходившем 28 ноября — 1 декабря 1975 г. аукционе Sotheby's (Монако) в Монте-Карло, на котором была выставлена Библиотека Дягилева-Лифаря.

⁴⁷ И. С. Тургенев. Рукописи, переписка и документы / Ред. Н. П. Чулкова. М., 1935. С. 141 (Бюллетени ГЛМ, № 1).

⁴⁸ См.: Письма М. А. Маркович // *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 258, 288, 291–292, 296, 300.

поскольку Николай Алексеевич был теперь императорским посланцем в Бельгии — однако в феврале 1863 года он все же отправился в Брюссель, чтобы просить содействия у своего друга в связи с затруднениями, возникшими из-за привлечения его Сенатом к следствию по делу о сношениях с Герценом, Бакуниным и другими социалистами и революционерами.⁴⁹ Тем временем даже эпистолярное общение с княгиней Трубецкой почти сошло на нет, хотя возросшая привязанность Полины Виардо к Анне Андреевне служила залогом того, что сведения о нем попадали к княгине через их переписку.⁵⁰

Перелом в дружбе Тургенева с Трубецкими произошел весной 1864 года, когда он довольно часто виделся с ними во время своей длительной поездки в Париж. Незадолго до того в силу обстоятельств, которые остаются неизвестными, князь Николай Иванович потерял большую часть своего личного состояния. Вначале ему предсказывали полное разорение. Как сообщал Тургенев 24 марта в письме к Полине Виардо, «похоже, что крах полный — продают все, мебель, серебро — князь в отчаянии, княгиня обнаруживает большое самообладание».⁵¹ Два дня спустя он продолжил: «...видел <...> княгиню Трубецкую, улыбающуюся и веселую и чувствующую себя лучше, посреди всех бедствий она с тем же интересом говорит о вещах поэтико-философских <...>».⁵² Напротив, князь, с которым Тургенев встретился в скором времени, был, по его словам, «точь-в-точь как Микобер, то сияет, то впадает в отчаяние».⁵³ Однако к концу месяца стало ясно, что состояние Трубецких было не таким плачевным, как предполагал Николай Иванович. Отец княгини выслал немного денег; Бельфонтен оставался в неприкосновенности, и они могли, по крайней мере внешне, придерживаться прежнего образа жизни. «...Милый князь оказался в состоянии дать в мою честь обед с обыкновенным красным вином, которое он называл *la Touche* высшего сорта», — сообщал Тургенев в письменной хронике-отчете к Полине Виардо за 31 марта. «Легко ему было разыгрывать такого невежду, как

⁴⁹ ПССУП(2). Письма. Т. 5. С. 149 и след.

⁵⁰ См. об этом: Les Cahiers samoisiens. 1976. N 5. P. 23–24. Важное в этом отношении письмо Полины Виардо к княгине Трубецкой, датированное 30 марта <1867 г.>, содержится в архивах департамента Сена и Марна (1009 F¹); ряд писем хранились также в бывшем архиве Ле Сенов — от 17 января 1859 г., 17 января 1864 г. и третье письмо без даты.

⁵¹ ПССУП(2). Письма. Т. 5. С. 282. Подлинник по-франц.

⁵² Там же. С. 284. Подлинник по-франц.

⁵³ Там же. С. 287. Подлинник по-франц.

я, слышавшего такое название впервые».⁵⁴ Во всем этом чувствуется явная перемена в тоне, какая-то снисходительная насмешка, как будто Тургенев не мог уделять столько же времени обедневшему князю, сколько богатому покровителю искусств. Со своей стороны, Николай Иванович тем временем потихоньку разочаровывался в Тургеневе, который, как он полагал, отказывался от серьезных вещей ради того, чтобы «превратить себя в пьедестал для г-жи Виардо».⁵⁵

И все же отношения между Тургеневым и Трубецкими никогда не прекращались окончательно, даже если на какое-то время они и теряли свой легкий и непринужденный характер. На словах княгиня по-прежнему продолжала быть любезной в этот баденский период, а князь с удовольствием приезжал поохотиться с Луи Виардо и Тургеневым в немецких лесах — хотя Тургенев и посмеивался над его техникой стрельбы, которую называл «циркулярной», и позаботился в первую очередь о том, чтобы князь держал свои ярые религиозные убеждения при себе. Трубецкой выразил желание присутствовать на церемонии обращения в католичество Полинетты Тургеневой перед браком с французским гражданином в 1865 году, но ее отец был непреклонен в том, чтобы не вмешивать сюда князя и его друзей-иезуитов.⁵⁶ Тургенев, однако, великодушно приходил на помощь князю в моменты душевных страданий. В феврале 1867 года в письме, которое, очевидно, до нас не дошло, он выражал сочувствие князю в связи со скандальной сплетней, которая касалась его любимой дочери, Екатерины Орловой. По слухам, она была беременна от короля Бельгии, поскольку Орлов страдал импотенцией. По всей видимости, Тургенев высказался в том духе, что он с удовольствием врезал бы по физиономии тому, кто распространял эти слухи, — хотя следует сказать, что впоследствии в письме к Морицу Гартману он заметил, что в подобных случаях лучше не поднимать шума и дать им самим раствориться.⁵⁷

⁵⁴ Там же. С. 290. Подлинник по-франц. В настоящее время Château La Touche славится своим (белым) мюскаде. Возможно, что Тургенев неправильно понял князя: в то время выражение «du vin de la touche», которое когда-то подразумевало вино, достойное короля, *могло*, по-видимому, означать «ужасное вино».

⁵⁵ Письмо Н. И. Трубецкого к И. С. Гагарину от 24 сентября 1865 г.: *Papiers Gagarine*. Boîte VII.

⁵⁶ *ПССУП(2). Письма*. Т. 6. С. 81; Т. 13. С. 101. См. также об этом: *Les Cahiers samoisiens*. 1976. N 5. P. 25–27.

⁵⁷ *Les Cahiers samoisiens*. 1976. N 5. P. 28–29; *ПССУП(2). Письма*. Т. 7. С. 111, 196; письмо Н. И. Трубецкого к И. С. Гагарину от 4 февраля 1867 г.: *Papiers Gagarine*. Boîte VII. Хотя эти слухи действительно нелепы, следует отметить, что первые годы замужества не всегда были легкими для Екатерины, см.: *Герцен*. Т. 27. Кн. 1. С. 124.

Резкое неприятие, которое Тургенев испытывал к наивному религиозному пылу князя, усугублялось славянофильскими взглядами и аристократическими замашками последнего. Именно на эти черты русского общества — как на родине, так и за границей — он решил обрушиться в своем следующем романе «Дым». В 1867 году, после многих лет работы, роман наконец вышел в свет, вызвав, как и следовало ожидать, оживленные, преимущественно враждебные отклики. Основными объектами на этот раз зачастую саркастически заостренного пера Тургенева стали праздная, избалованная аристократия, а также грубая и невежественная болтовня радикально настроенных кругов, однако важным подтекстом в романе является также самодовольная отсталость России. Общеизвестно, что Трубецкой сатирически выведен в «Дыме» в образе князя Коко, «одного из известных предводителей дворянской оппозиции», «патриота и покровителя всяких отечественных продуктов».⁵⁸ Само имя Коко (от франц. *Coco* — «кокос») является уничижительным и звучит во многом как «полоумный», «чудак», а различные эпизоды, в которых упоминается его обладатель, выставляют его полным дураком. В главе XV содержится эпизод с князем Коко и медиумом-спиритом, который, вполне вероятно, частично основан на спиритическом сеансе Д. Д. Юма, состоявшемся у Трубецких десять лет назад. Безусловно, Тургенев с некоторой тревогой ожидал реакции Трубецкого на «Дым». Однако князя больше взволновала общая антиславянофильская направленность романа, и Коко остался незамеченным.

На самом деле, неожиданно для Тургенева, «Дым» произвел большое впечатление на Николая Ивановича. В ответ на письмо, которое, по всей видимости, не сохранилось, он писал Тургеневу из Бельфонте на 20 июня 1867 года: «Вы спрашиваете меня, сержусь ли я на вас за „Дым“? За что же? По-моему, *критическая часть верна* и даже недостаточна сильна: вы могли бы описать и эгоистическую сторону нашего общества, поглощающую всякую возможность любви к ближнему. <...> Но напрасно вы нападаете на врожденное расположение славянина к мелодии; что он хвастлив и самолюбив до глупости, это следует приписать к неразвитости цивилизации, но не менее того он врожденно любит гармонию и вследствие того врожденно способен

⁵⁸ См.: *ПССУП(2)*. Соч. Т. 7. С. 250, 336; *Письма*. Т. 3. С. 680; *Nouv corr inéd.* Т. 1. Р. LIII. В наборной рукописи романа князь фигурирует под именем «Кокó Бесселедкин», см.: *ПССУП(1)*. Соч. Т. 9. С. 423, 435. Эта фамилия, безусловно, усиливала сатирическую окраску образа. Возможно, она подразумевала «безоружный» и должна была намекать на безобидность, бесхребетность.

6 Березинский, Лодовик Гр-вич

Ивановичу Ивану Брехову,

По предмету вашего письма к Марии,
по случаю скорого вашего отъезда в
Баден, впрочем, можно себе не
опасаться по поводу, а как мать и
забыть иван; и если отъезд этот
кажется и парителем от стабиль
отъезда о необходимости и даже
расположения ирландии его к вам.
Кажется по поводу, и он не уезжает
на более продолжительный Березинский.

Он спрашивает нас о отъезде
и о работе за Дам? и как
же? По поводу Кристианской работы в
и даже не достаточно сибиря: все
мыслили бы о том же и ^{открытой} ~~открытой~~
нашего общества по поводу и все
было восторженно и все к вам.

любить своего брата не как самого себя, а немного поменее, хотя ему кажется, что, давши лишний рубль бедняку, он ужасно много сделал».⁵⁹

Князь здесь отсылает к диатрибе Потугина против доморощенных композиторов, которая подводит прямо к его самому известному (и в то же время печально известному) высказыванию об отсутствии изобретательности у русских.⁶⁰ Трубецкой, напротив, полагал, что природный русский гений равняется добродетели и нуждается лишь в последующем образовании и цивилизации. Вплоть до этого места его критические замечания, хотя и не вполне ясно сформулированные, достаточно обоснованны, однако далее его письмо вновь скатилось на вопросы религии, и он попенял Тургеневу за высмеивание самых лучших из славянофилов, «этих добрых душ, которые верят в то, что может существовать нечто, неподвластное нашему чувственному опыту».⁶¹ В этом вопросе Тургенев был непоколебим — по крайней мере, по отношению к суеверному, вскормленному иезуитами князю. Идея Трубецкого об обращении России в католичество была немыслима для нашего земного писателя, видевшего в ней влияние духовного наставника князя, отца Ивана Сергеевича Гагарина, который сам был новообращенным католиком и в прошлом князем. В любопытном письме к Полине Виардо, написанном из Парижа в марте 1868 года, Тургенев описал зловонное ханжество Гагарина и прибавил: «Князь Трубецкой взирал на него с умилением. А я думал о Бадене».⁶²

В остальном у Тургенева было мало общего с князем Трубецким, который не прекращал своих не приносящих результата молитв до самой смерти в 1874 году. По крайней мере, последние годы его жизни были спокойными, поскольку Бельфонтену и его окрестностям удалось избежать самых страшных последствий немецкой оккупации во время франко-прусской войны. Счастливым исходом Бельфонтен был обязан, возможно, не столько неустанным усилиям самого князя — перегово-

⁵⁹ *ИРЛИ*. № 5832. Ср. с содержанием письма или черновика письма на французском языке, которое опубликовано А. Звигильским как принадлежащее княгине Трубецкой, но на самом деле, возможно, было написано князем Трубецким или, что более правдоподобно, адресованно ему Н. И. Тургеневым или И. С. Гагариным (все они переписывались между собой, как правило, по-французски): *Nouv corr inéd.* Т. 1. P. LVII–LVIII.

⁶⁰ См.: *ПССУП(2)*. Соч. Т. 7. С. 326.

⁶¹ *ИРЛИ*. № 5832.

⁶² *ПССУП(2)*. Соч. Т. 8. С. 159 (подлинник по-франц.); *Papiers Gagarine*. Boîte VII; см. также: *Conversion d'une dame russe à la foi catholique, racontée par elle-même et publiée par le prince Gagarine*. Paris: Charles Douniol, 1862.

рам с военачальниками, которые он вел, переодевшись в русский национальный костюм, и выплате репараций,⁶³ — сколько дружеским чувствам, которые как Мольтке, так и Бисмарк питали к семье Трубецких. В последнем случае непостижимые отношения железного канцлера с княгиней Орловой, несомненно, сыграли определенную роль.⁶⁴ После кончины Николая Ивановича, последовавшей 11 июня 1874 года, Тургенев цинично воскликнул в письме к Полине Виардо: «Вот наконец и бедный князь Трубецкой отправился удостовериться, правда ли то, что рассказывали ему его иезуиты!».⁶⁵ Необъяснимо, но его вдова каким-то сверхъестественным образом сдалась. Если на протяжении всей своей жизни ни ему, ни Гагарину так и не удалось добиться того, что он затейливо называл «драгоценным завоеванием очень богатой души для отметки в паспорте, который откроет нам врата рая», то на смертном одре он наконец сумел убедить ее. В исполнение своего обещания она причащалась, установила пожизненную мессу в память о почившем князе и даже приняла решение провести свои похороны по православному обряду.⁶⁶ Тем не менее несмотря на то, что зять продолжал оказывать ей душевную и финансовую поддержку и не переставал навещать ее в Бельфонте (который он унаследовал после ее кончины) вплоть до собственной смерти, последовавшей в том же Бельфонте 29 марта 1885 года, последние годы ее жизни были омрачены грустью, которую ее новый опыт с религией так и не смог рассеять.⁶⁷

Тургенев провел в Англии большую часть франко-прусской войны, живя по соседству с семейством Виардо, которые были вынуждены бежать из Баден-Бадена. Впоследствии он поселился вместе с ними в Париже. Теперь он гораздо ближе общался с князем Орловым, который

⁶³ См. монографию Лимузена (Limosen) о Самуа-сюр-Сен в Архивах департамента Сена и Марна (30Z 394); *Bouquet Victor*. Op. cit. P. 87.

⁶⁴ См. об этом: *Orloff Nikolai*. Bismarck und Katharina Orloff. Ein Idyll in der hohen Politik. München, 1944; Bismarck et la princesse Orloff. Lettres à la princesse Orloff // *Revue des Deux Mondes*. 1936. 15 mars. P. 304–330; *Grant Duff E.*, *The Right Hon. Sir Mountstuart*. Notes from a Diary, 1851–1852. London, 1897. P. 271; *Harrison Frederic*. Autobiographic Memoirs, 2 vols. London, 1911. Vol. 2. P. 49–50.

⁶⁵ *ПССУП(2)*. Письма. Т. 13. С. 101. Подлинник по-франц.

⁶⁶ См. недатированное письмо А. А. Трубецкой к И. С. Гагарину: *Papiers Gagarine*. Boîte VII; L'Abeille de Fontainebleau. 1882. 14 juillet; Книга записей актов гражданского состояния Самуа-сюр-Сен за 4 октября 1874 г. в архивах департамента Сена и Марна (220 V 73).

⁶⁷ О карьере, смерти и похоронах в Самуа князя Н. А. Орлова см.: L'Union républicaine. 1885. 1 avril; L'Abeille de Fontainebleau. 1885. 3 avril; 1893. 20 octobre; *Bourges Ernest*. Op. cit. P. 191–195; Les Cahiers samoisiens. 1973. N 2 (Mars). P. 43–44.

был назначен русским посланником во французской Третьей республике. Это было время усиления подпольной революционной деятельности, когда видные русские эмигранты, такие как Бакунин, Ткачев и Лавров, всячески разжигали оппозиционные настроения во Франции и в других странах по отношению к русскому правительству, резко усилившему репрессивные меры. Вследствие этого любой русский, находившийся в Париже, сразу же становился потенциальным подозреваемым, и французская полиция дошла даже до того, что подслушивала разговоры как Тургенева, так и Орлова!⁶⁸ Писатель-либерал и дипломат с широкими взглядами стали странными союзниками в русско-французских политических и культурных отношениях. Общими усилиями им удалось предотвратить выдачу в Петербург революционеров Льва Гартмана и Анны Розенштейн;⁶⁹ оба всячески поддерживали Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников, организованное в Париже в 1878 году;⁷⁰ Орлов также оказывал содействие Тургеневу в издании ряда французских произведений, которые могли быть не пропущены цензурой в России, как, например, в случае с знаменитым романом Жюль Верна «Michel Strogoff» («Михаил Строгов»).⁷¹ Благодаря ходатайству посла, Тургенев был даже представлен цесаревичу, будущему императору Александру III, во время визита последнего в Париж в 1879 году.⁷² Однако несмотря на то, что Тургенев видел в Орлове доброго, милого соотечественника и часто прибегал к его помощи, некоторые стороны его поведения порой вызывали у него раздражение или даже возмущение. Например, еще в 1874 году Орлов пригласил Тургенева на официальное торжество по случаю тринадцатой годовщины отмены крепостного права, но посадил его сорок седьмым за столом — дальше, чем местного священника русской посольской церкви в Париже.⁷³ Еще более неприятной для Тургенева — по-

⁶⁸ См. об этом: *Waddington Patrick*. «Sleazy Digs and Coppers» Marks: The Fate of Russian Nihilists in Paris a Hundred Years Ago // *N Z Sl J*. 1989–1990. P. 10–11, 23 и след.

⁶⁹ См.: *Ibid*. P. 4–4; *ПССУП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 1. С. 315, 655

⁷⁰ См. об этом: *ПССУП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 1. С. 276, 635–636.

⁷¹ *ПССУП(2). Письма*. Т. 14. С. 171, 357–358.

⁷² *ПССУП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 2. С. 172, 178, 502–503.

⁷³ *Goncourt Edmond et Jules*. Journal. Mémoires de la vie littéraire / Ed. Robert Ricate: 4 vols. Paris, 1956. Vol. 2. P. 1034; Les cahiers samoisiens. 1976. N 5. P. 37, 43. Хотя в «Дневнике» год точно не указан, речь может идти только о 1874 г. Однако существует вероятность, что сведения, сообщенные Гонкуром, не точны и на самом деле относятся к торжествам, которые состоялись в посольстве и при посольской церкви 24 марта 1861 г. — см.: *ПССУП(2). Письма*. Т. 4. С. 304, 306, 309, 624.

скольку дело касалось не его самого — была типичная для русской аристократии позиция Орлова, высказанная им в 1878 году по отношению к еврейскому художнику Антокольскому и его статуе Христа. «Как может еврей представить нашего бога?» — спросил князь.⁷⁴ Когда писатель был при смерти в 1883 году, в бреду он даже принял Орлова за шефа жандармов при Николае I, отца молодого князя.⁷⁵ Следует, однако, отдать должное Орлову, он воздал последние почести Тургеневу и «обливался горючими слезами», оплакивая эту огромную утрату для себя и своего отечества.⁷⁶

Практически единственным документальным свидетельством дружбы Тургенева с Трубецкими, дошедшим до наших дней, являются его удивительные письма к княгине. Как говорилось выше, письма, адресованные ее мужу, по всей видимости, не сохранились, а те несколько посланий к князю Орлову, которыми мы располагаем, в основном носят деловой характер,⁷⁷ в то время как девятнадцать или около того уцелевших и известных на настоящий момент писем к Анне Андреевне представляют собой полноценную переписку.⁷⁸ Все они написаны по-француз-

⁷⁴ *ПССиП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 1. С. 280. См. также: *Les cahiers samoisiens*. 1976. N 5. P. 37. Любопытный иностранный взгляд на Орлова и его дипломатическую деятельность содержится в книге «The Russians of Today», написанной автором «Депутата города Парижа» («The Member for Paris»), т. е. Юстейсом Клером Гренвиллом-Мерреем (Е. С. Grenville-Murray) — London, 1878. P. 293–294.

⁷⁵ Из воспоминаний М. В. Олсуфьевой // Бродский Н. Л. И. С. Тургенев в воспоминаниях современников и его письмах: В 2 ч. М., 1924. Ч. 1. С. 137–138.

⁷⁶ Художник о Тургеневе. Воспоминания Э. К. Липгарта, 1875 / Публ. Р. Б. Заборовой // *ЛН*. Т. 76. С. 429.

⁷⁷ В настоящее время известны четыре письма Тургенева к князю Орлову, см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 3. С. 309 (от 18 (30) марта 1858 г.); Т. 5. С. 149–151 (от 27 января (8 февраля) и от 29 января (10) февраля 1863 г.); *ПССиП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 1. С. 83 (от 18 (30) апреля 1881 г.). Письмо, предположительно датированное апрелем н. ст. 1861 г. (см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 4. С. 316, 631–632), не могло быть адресовано Орлову, как указано в *ПССиП(2)*, поскольку Тургенев в нем использует обращение на «ты», которое бы он никогда не позволил себе в общении с ним.

⁷⁸ Тринадцать писем Тургенева к княгине А. А. Трубецкой были впервые опубликованы Александром Звигильским в его книге «Ivan Tourguénev. Nouvelle correspondance inédite», вышедшей в двух томах в Париже в 1971–1972 гг. (Т. 1. P. 319–340). Эти письма вошли в выходящее ныне второе издание Писем Тургенева. Еще четыре письма были опубликованы мною частично в нескольких выпусках «New Zealand Slavonic Journal» (1979. N 1. P. 2–3, 13–14, 16; 1983. P. 224–225; 1986. P. 27–28) и также воспроизводятся в новой серии Писем. Кроме того, в моем распоряжении находятся еще два ранее не публиковавшихся письма к Трубецкой, датированные 31 января 1876 г. и 27 ноября 1878 г. (все даты указаны по новому стилю). Вполне возможно, что еще несколько писем могут обнаружиться в частных архивах во Франции.

ски и охватывают временной промежуток в двадцать три года. Тургенев сообщает в них не только о своих делах и приготовлениях к поездкам, о погоде и других ежедневных радостях или огорчениях, но также делится своими впечатлениями о политике, музыке, философии и литературе. Он поверяет княгине самые свои сокровенные переживания, последствия своих болезней, свою склонность к тому, что он называет по-английски «blue devils» («черные мысли»)⁷⁹ Он выражает соболезнования княгине в связи со смертью Трубецкого, но несмотря на память о князе, не колеблясь, называет себя «противником православия и славянофильства».⁸⁰ Он стремится навещать Анну Андреевну в Бельфонте и неоднократно бывает у нее в последние годы ее жизни. Нам неизвестны его отклики на смерть княгини, последовавшую 7 июля 1882 года, но в письме, написанном двумя годами ранее, последнем из известных на настоящий момент, он просит ее верить его «искренней и неизменной привязанности».⁸¹

С большей частью писем Тургенева к княгине Трубецкой можно легко ознакомиться в полном собрании его писем или — в случае когда соответствующие тома еще не вышли — по книге А. Звигильского «Nouvelle correspondance inédite». Поэтому я не вижу смысла цитировать их здесь. Но мне бы хотелось дать представление о тех трех письмах, которые все еще остаются малоизвестными, включая два из моей собственной коллекции. Они могут служить примером той теплоты, искренности и несомненного интереса, которые обнаруживает переписка этих двух людей. Эти письма относятся к самому лучшему периоду их эпистолярного общения, когда (увы) князя уже давно не было в живых и не осталось преград для искреннего обмена мыслями и чувствами, а также когда сам Тургенев наконец нашел относительно устойчивое счастье на верхнем этаже дома Виардо на улице Дуэ и в своем шале в Буживале. Речь пойдет о 1876, 1877 и 1878 годах, но я буду рассматривать письма не в хронологическом порядке.

Первое письмо, о котором пойдет речь, датировано 24 марта 1877 года и касается романа Тургенева «Новь», публикация которого завершилась незадолго до этого. Глубокое уважение к княгине, которая принимала к сердцу все его произведения, прослеживается уже в том, что Тургенев передал ей первую часть «Нови», как только получил экземпляры январской книжки «Вестника Европы», в котором она появилась.⁸²

⁷⁹ *Nouv corr inéd.* Т. 1. Р. 334.

⁸⁰ *Ibid.* Р. 333. Подлинник по-франц.

⁸¹ *Ibid.* Р. 340. Подлинник по-франц.

⁸² Ср.: *Nouv corr inéd.* Т. 1. Р. 330 с *ПССуП(1)*. Письма. Т. 12. Кн. 1. С. 55.

На протяжении последующих недель они обменялись несколькими письмами о «Нови», и княгиня выразила большое восхищение прочитанным, с некоторыми оговорками. Так, не вызвал у княгини особой симпатии образ Марианны, которая казалась ей резковатой и которой, по ее мнению, недоставало деликатности.⁸³ Тем временем в русской прессе один за другим появлялись резко негативные отклики на новый роман писателя. Во второй половине марта один из них попал в поле зрения Анны Андреевны, о чем она не преминула ему сообщить. В ответном письме Тургенев написал о том, как его тронуло это выражение дружеского неодобрения: «Но увы! не только „Русский вестник“ — все журналы без исключения поносят меня. Никогда еще критика не была более единодушна — это то, что называется полным разносом. Сказать, что я к этому безразличен — было бы слишком высокомерно; признаюсь даже, что все это меня волнует — и все же я не могу предположить здесь заговор против меня или моего творчества... это означает, что, как говорит Шекспир, — *something rotten in the state of Denmark* <подгнило что-то в Датском государстве — *англ.*>, то есть в моем романе. Могу добавить, что я, не слишком того желая, задел немало народу — влагая персты в раны. Но что сделано, то сделано; если это было полезно <...>».⁸⁴

Самый пространный из известных фрагментов этого письма, к сожалению, на этом месте обрывается. Нам известно, однако, что далее Тургенев излагает свой взгляд на характеры некоторых главных героев «Нови» и отрицает (высказанное ранее предположение), что вложил свои размышления в речи Паклина, который в самом конце романа напрямую связывает политические беспорядки в России с тем, что он называет «безымянная Русь».⁸⁵ Тургенев лишь изображал людей такими, какими он их видел. «Не моя вина, — писал он княгине Трубецкой далее, — что в деле продвижения России вперед нам можно рассчитывать лишь на подобных людей».⁸⁶

Все эти высказывания, как всегда, находят отражение в письмах Тургенева к другим его близким друзьям и братьям по перу. В них нет ничего нового. Интересен сам факт того, что княгиня Трубецкая была настолько близка к Тургеневу, что могла разделить его переживания, вызванные резким неприятием «Нови». Оставшиеся два письма, отрывки из которых я бы хотел привести, носят более личный характер, наглядно

⁸³ *Nouv corr inéd.* Т. 1. Р. 332.

⁸⁴ Впервые известные на настоящий момент фрагменты из этого письма были освещены в: *N Z Sl J.* 1979. N 1. Р. 16–17.

⁸⁵ См.: *ПССУП(2). Соч.* Т. 9. С. 389.

⁸⁶ *N Z Sl J.* 1979. N 1. Р. 16.

свидетельствуя о степени привязанности Тургенева к Анне Андреевне и ее семье. 4 августа 1875 года, в возрасте тридцати пяти лет, Екатерина Орлова-Трубецкая скончалась в Санкт-Морице, в Швейцарии из-за болезни почек, вызванной или усугубившейся в результате заболевания корью.⁸⁷ Как только Тургенев узнал об этом, он тотчас написал одному близкому другу: «Сейчас услышал о смерти княгини Орловой, жены нашего посланника. Мне очень ее жаль. Хорошая была женщина. Я был ее шафером в 1858-м году».⁸⁸ Нам доподлинно известно, что Тургенев общался вскоре с князем Орловым, и можно предположить, что он вызвал последнему свои соболезнования,⁸⁹ но по каким-то причинам он так и не написал сочувственного письма княгине Трубецкой. Сложно сказать, почему это произошло. Его здоровье на тот момент было вполне сносным; у него не было затруднений, которые бы поглощали все его время и силы; он уже обосновался на лето в Буживале. Хотя он, как всегда, был занят улаживанием тысячи дел и много времени проводил с семьей Виардо, единственное, что на самом деле могло отвлечь его внимание от подобного морального долга, были заботы по завершению обустройства его шале.⁹⁰ Возможно, причина его молчания заключалась в том, что он понимал всю бесплодность усилий утешить княгиню, которая за год с небольшим понесла вторую неимоверно тяжелую утрату. По всей видимости, она предполагала что-то подобное, когда наконец собралась писать к нему в следующем, 1876, году. 31 января он ответил на ее упреки: «Не думаю, чтобы я когда-либо столь живо испытывал острые угрызения совести, как после получения Вашего письма. — Вы совершенно правы в своих упреках и очень добры, делая их, — и хотя Вы правы, указывая на причину моего молчания, — это меня не извиняет. — Я должен был написать Вам не ради того, чтобы попытаться Вас утешить: я должен был протянуть Вам руку ради самого себя, ради нашей старинной дружбы, в тот момент, когда судьба вторично нанесла Вам свой удар. — Я не сделал этого сразу... потом решил, что уже слишком поздно... и вот таким образом вместо того чтобы исправить ошибку, — совершают еще большую».⁹¹

⁸⁷ Сведения получены от г-жи Пот-Кавелиной; согласно другим данным, она умерла от болезни легких. Источники расходятся в дате ее смерти и указывают на 1, 4 или 5 сентября. См. некролог Орловой: *Le Figaro*. 1875. 7 August. P. 1.

⁸⁸ *ПССиП(2). Письма*. Т. 14. С. 123. Письмо к баронессе Ю. П. Вревской от 25 июля (6 августа) 1875 г.

⁸⁹ См.: Там же. С. 171.

⁹⁰ Там же. С. 145.

⁹¹ Письмо от 31 января н. ст. 1876 г. находится в моем собрании и воспроизводится полностью в *Приложении*.

Среди прочего, Тургенев написал о том, что незамедлительно приехал бы в Бельфонтен, если бы не сильный приступ подагры, и пообещал осуществить свое намерение при первой возможности. Он действительно посетил бедную княгиню в апреле 1876 года.⁹²

Как видно из последнего письма, о котором пойдет речь, Тургенев часто выражал желание встретиться с Анной Андреевной, даже если — как это часто бывало и в других случаях — его намерения редко осуществлялись. 15 ноября 1878 года недалеко от Парижа в самых плачевных условиях скончался его старинный друг Н. В. Ханьков, известный русский географ и этнограф, и Тургенев принял деятельное участие в организации похорон. Примерно в это время княгиня Трубецкая написала ему письмо, в котором выражала свое сочувствие и скорбела вместе с ним. На похоронах, которые состоялись на кладбище Пер-Лашез 22 ноября, Тургенев произнес небольшую речь, но сильно простудился из-за туманной и сырой погоды. Последнее обстоятельство дало ему очередной повод отложить запланированную поездку в Бельфонтен, равно как и в Круассе, чтобы повидаться с Флобером. 27 ноября он изложил все это в письме к княгине Трубецкой, пообещав, с примесью надежды, уныния и самоиронии, непременно навестить ее в следующий понедельник. Далее следует поразительное подтверждение дружеских чувств, которые Тургенев к ней испытывал: «Мне нет нужды говорить Вам, насколько я был тронут симпатическими и добрыми словами, сказанными Вами по моему адресу; — поверьте же и Вы, что чувство, которое я к Вам питаю, столь же искренно, как и горячо — и что с прожитыми годами отношения с Вами становятся настолько драгоценными, — что я не вижу ничего впереди, что могло бы заставить меня забыть о них. — Вы, может быть, знаете, что недавно мне исполнилось 60 лет; — это начало конца! — Ничего нового — — приятного — ждать не приходится».⁹³

После нескольких более оптимистичных вежливых фраз, Тургенев в завершение написал: «...я прошу Вас верить неизменной дружбе совершенно преданного Вам Ив. Тургенева». Этими словами мне хотелось бы завершить поднятую тему.

⁹² См.: ПССиП(1). Письма. Т. 11. С. 246.

⁹³ Письмо от 27 ноября н. ст. 1878 г. из моего собрания. Полный текст письма воспроизводится в *Приложении*. О смерти и похоронах Ханькова см.: ПССиП(1). Письма. Т. 12. Кн. 1. С. 377, 380–385, 684.